

1902.

6 30
527

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЭРНЕСТА РЕНАНА

ВЪ ДВѢНАДЦАТИ ТОМАХЪ

Съ портретомъ автора и очеркомъ его жизни и дѣятельности.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
подъ редакціей В. Н. МИХАЙЛОВА

ТОМЪ X. 11-12

Издание Б. К. ФУКСА.

КІЕВЪ.

Дозволено Цензурой. Москва, 31 Августа 1902 года.

2004175497

КІЕВЪ.
Типографія Петра Барскаго. Крещатикъ, домъ № 40.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСТВА И ЮНОСТИ.

Предисловіе.

Въ Бретани одной изъ самыхъ распространенныхъ легендъ является сказаніе о воображаемомъ городѣ Исѣ, который въ незапамятное время былъ, какъ говорятъ, поглощенъ моремъ. Вамъ укажутъ здѣсь или тамъ у побережья то мѣсто, гдѣ былъ расположенъ этотъ сказочный городъ, а отъ рыбаковъ вы услышите не мало причудливыхъ разсказовъ по этому поводу. Когда бушуетъ буря,—увѣряютъ они,—изъ-за вздымающихся волнъ показываются верхушки церковныхъ башенъ; въ тихую-же погоду изъ пучины моря доносятся звуки колоколовъ—перезвонъ церковнаго гимна. Часто мнѣ кажется, что въ глубинѣ моего сердца живетъ далекій городъ Исѣ и все зоветъ онъ своими колоколами вѣрныхъ къ священной службѣ, но они ничего не слышатъ. Порою я останавливаюсь, чтобы внимательнѣе прислушаться къ этимъ трепетнымъ звукамъ, которые несутся словно изъ неизмѣримой глубины, какъ будто это голоса изъ иного міра. Особенно теперь, когда подходитъ моя старость, во время лѣтняго отдыха, я люблю прислушиваться къ этому отдаленному шуму исчезнувшей съ лица земли Атлантиды.

Вотъ каково происхожденіе шести отрывковъ, составившихъ настоящую книжку. Воспоминанія дѣтства и юности не претендуютъ дать связный и цѣльный разсказъ. Это лишь рядъ образовъ, почти безъ всякаго порядка явившихся предо мною, и размышленій, приходившихъ мнѣ на умъ въ то время, когда я вызывалъ въ памяти далекое прошлое за пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Своимъ Воспоминаніямъ Гете далъ названіе „Правда и Поэзія“, показывая этимъ, что нельзя составить своей собственной біографіи такъ же, какъ составляютъ біографію другихъ. Все, что говорится о себѣ, всегда является поэзіей. Воображать, что малѣйшія подробности собственной жизни стоятъ того, чтобы быть записанными, это значить явно показывать свое мелочное тщеславіе. О подобныхъ вещахъ пишутъ лишь съ цѣлью высказать свое личное міропониманіе. Форма Воспоминаній мнѣ казалась удобной для того, чтобы передать нѣкоторые оттѣнки моихъ мыслей, оставшіеся нѣсколько неясными въ другихъ моихъ сочиненіяхъ. Я нисколько не желалъ снабжать заранѣе справками тѣхъ лицъ, которые впослѣдствіи будутъ писать обо мнѣ замѣтки или статьи.

То, что въ историческомъ сочиненіи является достоинствомъ, здѣсь было бы недостаткомъ; все правдиво въ этой книжкѣ, но здѣсь нѣтъ тѣхъ жизненныхъ подробностей, которыя необходимы, напримѣръ, во Всеобщей біографической Библіотекѣ; многія вещи помѣщены ради шутки; если бы это было принято, я не разъ выписывалъ-бы на поляхъ: *сuius generis*. Простая сдержанность заставляла меня кое-что опускать. Многія лица, о которыхъ я упоминаю, могутъ еще находиться въ живыхъ, а между тѣмъ люди, не привыкшіе къ публичности, питаютъ къ ней какую-то боязнь. Я измѣнилъ поэтому нѣкоторыя собственныя имена. Иногда, нѣсколько нарушая порядокъ времени и мѣста, я старался устранить заранѣе тѣ отождествленія, которыя могли бы сдѣлать въ иныхъ случаяхъ. Исторія „Трепальщика льна“ произошла такъ, какъ я ее рассказалъ. Я выдумалъ лишь названіе замка. Что касается разсказа о „чудахъ-Системъ“, то я долженъ замѣтить здѣсь, что я получилъ отъ г. Дюпортала нѣкоторыя новыя подробности, которыя не подтверждаютъ предположеній, высказанныхъ моею матерью относительно таинственнаго поведенія стараго отшельника. Тѣмъ не менѣе я ничего не измѣнилъ въ своемъ разсказѣ, полагая, что г. Дюпорталу удобнѣе всего самому возстановить всю правду объ этой оригинальной личности.

Эта книжка не имѣетъ ни малѣйшей претензіи быть настоящими мемуарами; но даже и въ послѣднемъ случаѣ я нашелъ-бы вполне извинительными тѣ пробѣлы, которые въ ней найдутся. Личность, которая оказала наибольшее вліяніе на мою жизнь, — моя сестра Генриетта, — здѣсь почти не упоминается ¹⁾. Въ сентябрѣ 1862 г., спустя годъ послѣ смерти моей дорогой подруги, я написалъ для небольшого кружка лицъ, знавшихъ ее, книжку, посвященную ея памяти. Было отпечатано всего лишь сто экземпляровъ. Моя покойная сестра отличалась такой скромностью, чувствовала такое отвращеніе ко всякому мірскому шуму, что образъ ея явился бы предо мною въ видѣ живого упрека, если-бы я согласился отдать эти страницы на распоряженіе публикѣ. Иногда мнѣ приходила въ голову мысль присоединить воспоминаніе о ней къ настоящей книжкѣ. Но потомъ я подумалъ, что это будетъ своего рода профанаціей ея памяти; воспоминаніе о моей сестрѣ прочитали съ искреннимъ чувствомъ нѣкоторыя лица, которыя относились съ любовью къ ней и ко мнѣ. Я не могу отдать святое для меня воспоминаніе на грубый судъ, на который какъ-бы приобретається право при покупкѣ книги. Мнѣ казалось,

¹⁾ Въ тотъ самый день, когда я дописывалъ послѣднюю страницу этого предисловія, извѣстіе о смерти брата разбило послѣднее звено, которое связывало меня съ воспоминаніями объ отеческомъ кровѣ. Мой братъ Аллемъ всегда былъ для меня добрымъ и вѣрнымъ другомъ; онъ понималъ, цѣнилъ и любилъ меня. Его ясный, положительный умъ и замѣчательная способность къ усидчивой работѣ предназначали его къ одной изъ тѣхъ профессій, гдѣ необходимо примѣненіе математическихъ наукъ, или къ административной дѣятельности. Наши семейныя несчастія заставили его пойти по иному пути; ему пришлось пережить много тяжелыхъ испытаній, но ни на одно мгновеніе ему не измѣнило мужество. Онъ никогда не сѣтовалъ на свою жизнь, хотя жизнь оставила ему на долю, быть можетъ лишь одну награду, — ту, которую даютъ высокія умственные наслажденія. Но на свѣтѣ нѣтъ выше этой награды.